

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Слугиной Виктории Александровны
«Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–
XVII вв.: Шертовальные записи и процедура шертования», представленную
на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история

Актуальность диссертационного исследования Слугиной Виктории Александровны не вызывает сомнений. Несмотря на наличие многочисленных работ по проблемам присоединения Сибири к России и достаточно глубоко проведенную предшественниками реконструкцию этого процесса, тем не менее, отдельные, причем, узловые вопросы, по-прежнему остаются на периферии научного поиска, либо их решение кажется настолько очевидным, что им не уделяется достаточного внимания в отечественной историографии. Между тем, сама тема исследования, представленная Слугиной В.А, заслуживает пристального внимания, т.к. именно принципы начальной интеграции аборигенного населения Сибири в правовую и социальную структуру Московского царства не только определили характер их взаимоотношений с властью, но и обозначили их дальнейшее этнополитическое развитие в рамках российского государственности.

Цель исследования сформулирована кратко, но очень емко, поставленные задачи полностью соответствуют обозначенной цели. Текст диссертации логичен и соответствует раскрытию заявленной цели и задач. Не вызывают сомнения территориальные и хронологические рамки проведенного исследования, обозначенные автором диссертации. Тезисы, выносимые на защиту, полностью вытекают из проделанной работы. Действительно, можно высоко оценить выделенные Слугиной В.А. функции шертования (с. 134), условия проведения процедуры в зависимости от численности и социального статуса, приводимых аборигенов к присяге (с. 139–140). Рассматривая

процесс процедуры шертования, она, фактически, представила его как коммуникативный процесс, в котором выделила два аспекта коммуникаций – вербальный – провозглашение «Жалованного слова» и текста присяги и невербальный – богатые одежды присутствующих, обильный пир, подарки с обеих сторон, соответствующие жесты присутствующих (с. 124–126, 132). Таким образом, политическое мероприятие принимало форму обряда, что придавало ему сакральную и легитимную значимость в глазах взаимодействующих сторон.

Научная значимость и научный вклад диссертации в разрабатываемую тему во многом определяется разнообразием и информативностью источниковой базы исследования. И следует отметить, что Слугина Виктория Александровна достаточно успешно решила эту проблему. Источники представлены различными видами, среди которых особое научное значение имеют выявленные и введенные в научный оборот архивные материалы из РГДА и Санкт–Петербургского филиала архива РАН, прежде всего – шертовальные записи. При их анализе автор диссертации продемонстрировала высокие профессиональные навыки источниковедческой работы, что позволило ей сделать важные выводы относительно структуры документов, выявить устойчивость особо значимых формулировок, показать процесс унификации государственных актов, определявших подданство тяглых сословий. Важным является и вывод автора относительно трансформации в сибирских условиях шертных грамот второй половины XV–первой половины XVI в. в шертовальные записи XVII в. Возможно, Слугина В.А. права, когда с большой осторожностью пытается выявить истоки шерты и в обычном праве народов Сибири, т.к. феномен «клятвы» полисемантичен. Тем не менее, из текста диссертации следует, что шертовальные записи в Сибири сформировались как результат синтеза московской и аборигенной традиций, определявших легитимность российского подданства сибирского населения. И этот вывод заслуживает научного признания.

В этой связи важно помнить, что в социальных коммуникациях, в том числе и межэтнических, передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон. Можно констатировать, что в XVII в. русские власти и местное население «говорило» на одном «политическом языке. По крайней мере в документах не отмечена необходимость разъяснения сибирским народам их положения, как подданных Москвы. Политическая зависимость подкреплялась определением вида тягла, которым для них становился ясак. Именно по виду тягла определялась и сословная принадлежность различных групп населения в Московском царстве. Поэтому, думается, что автор работы не совсем права, когда пишет о том, что «иноземческое» (сибирское население) противопоставлялось православному в XVII в.» (с.21), или что «названия иноземцы, сибирские иноземцы, ясачные указывает на религиозно-культурные отличия, препятствующие интеграции народов Сибири в состав российского государства» (с. 33). Во-первых, в русских документах того времени, как это убедительно показал М.А. Демин, отсутствовали оценочные характеристики образа жизни и культуры аборигенов, не считая, конечно, религиозных текстов и летописей, т.е. книжной традиции. По мнению С.В. Бахрушина, отношение власти к сибирскому населению было абсолютно рациональным и практичным. Именно поэтому массовое крещение народов Сибири произойдет не в XVII в., а в XVIII в., когда в России начнется общая модернизация, и христианизация станет одним из факторов приобщения к европейской цивилизации «диких» народов.

Во-вторых, к XVII в. Московское царство еще не было сложившимся государством. После опричнины, Смутного времени, русско-польских и русско-шведской войны именно XVII век был периодом, как формирования

основных сословий, так и их правового оформления. Включение сибирских аборигенов в качестве еще одного сословия не меняло сути протекавших социально-экономических и политических процессов. Московское царство оформлялось как сословное государство, следствием чего были многочисленные побеги различных категорий тяглого населения. Социально-психологический климат той эпохи, взаимоотношения власти и населения был тонко подмечен С.М. Соловьевым: «гоньба за человеком, за рабочей силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно, ... гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бегут розно, толпами, идут за Камень (за Урал – Л.Ш.), помещики гоняются за своими крестьянами, которые бегут». Добавим сюда и «гоньбу» служилых людей за ясачными – погоню, логично и органично вписывающуюся в общеисторическую канву России XVI–XVII вв. Поэтому мнение автора работы о том, что «специфичность подданства сибирских народов определялась ясачным положением», в частности в запрете уезжать в неясачные земли» (с. 131), что приводило к побегам от сборщиков ясака, вряд ли следует связывать с протестом против российского подданства, т.к. беглые горожане или крестьяне мало чем отличались в этом смысле от ясачных. Причинами бегства становились экономические проблемы, несправедливость и обида на своих «хозяев», желание быть подальше от власти.

Согласно Крестоприводной книге 1645 г. по Томскому уезду, в ней значилось более сотни фамилий «гулящих людей», что свидетельствует, о «побегах», как об общероссийском явлении, независимо от сословия и вида тягла. Вряд ли на этом основании можно утверждать, что все «беглецы» отказывались от российского подданства. Проблема заключалась в том, что русские власти не всегда, в силу своей слабости и малочисленности в Сибири, могли обеспечить безопасность ясачных от претензий их бывших владельцев. При условии защиты и соблюдения правил сбора ясака

кыштымы, став русскими ясачными, помогали служилым людям в «открытии новых земель», становясь толмачами и вожами.

В этой связи заслуживает признания вывод Слугиной В.А. о тесной связи шертовальных записей и ясачных книг (с. 153), о их взаимодополняемости, что на политическом и социально-экономическом уровнях отражало процесс оформления новых подданных Российского государства в качестве еще одного тяглого сословия. Кроме этого, автор диссертации, путем скрупулезного анализа шертовальных записей и крестоцеловальных книг пришла к глубокому выводу относительно постепенного их сближения, когда шертовальные записи обнаруживаются в комплексах с образцами крестоцеловальных (с.105), а отдельные элементы последних включаются в шертные тексты (с. 106). Слугиной В.А. верно подмечена очень важная тенденция в развитии Российского государства, направленная на унификацию правового положения подданных независимо от вида тягла. По отношению к сибирским аборигенам результатом этого процесса станет ликвидация инородческого управления и аграрная реформа начала XX в., которые, фактически, полностью уравнивали положение и статус русского крестьянства и аборигенов Сибири.

Слугина В.А. несколько раз останавливается на проблеме восприятия шертных записей телеутами, енисейскими киргизами, якутами и бурятами, которые по ее мнению, воспринимали их как «мирные» договоры со взаимными обязательствами. И когда одна сторона – русская – их не выполняла, они считали себя свободными от обязательств (с. 74, 81, 83, 131, 170). Думается, что в данном случае автор не берет во внимание статус этих народов в рамках их социумов. Во-первых, все они имели зависимое население, которое платило им алман (кыштымы), на которое претендовали и русские, т.е. они были элитой аборигенных социумов. Для них согласие платить ясак означало бы уравнивание их статуса со статусом собственных кыштымов, а значит, они лишались бы своего привилегированного положения, с чем они, безусловно, не могли согласиться. Во-вторых, эти

народы пытались проводить собственную политику, лавируя между джунгарами, алтын-ханами и монголами, с одной стороны, и Москвой – с другой. Отсюда и трактовка ими шертных записей. В условиях ослабления и гибели центральноазиатских государств, часть из них безоговорочно приняла русское подданство (буряты, часть телеутов), которое было подкреплено включением их в служилое сословие (чего безуспешно добивались енисейские киргизы). В результате им удалось сохранить престиж в глазах своих бывших кыштымов, ставших к тому времени ясачными.

Отмечая высокий профессиональный уровень диссертационного сочинения В.А. Слугиной, следует заметить наличие некоторых досадных погрешностей. Во-первых, достаточно полный и аналитический раздел историографии, выглядит неполным без указания работ З.Я. Бояршиновой, учитывая то, что в ее работах приводятся сведения о процедуре шертования, и о шертовальных записях. Историю Сибири первой половины XVII в. сложно представить без ее работ. Во-вторых, автор неправа, когда пишет о населении Кузнецкого уезда, «которое преимущественно было скотоводческим и кочевым» (с. 150). Туда прикочевывали группы телеутов и енисейских киргизов за сбором алмана или, готовясь напасть на Кузнецкий острог, но аборигенное население (предки современных шорцев, частично, хакасов и северных алтайцев), проживавшие в горно-таежной местности, занимались металлургией, ручным земледелием, рыболовством, мясной охотой. В-третьих, в Сибири в XVII в. вместо понятия «граница», использовался термин «рубежи». Было бы интересно провести сравнительный анализ этих терминов.

Чтобы четче отделить шертные грамоты XV–XVI в. как межгосударственные договоры от шертовальных записей XVII в., можно было посмотреть Нерчинский договор, который дает пример международного документа этого периода.

Однако данные замечания абсолютно не влияют на общую высокую оценку данной диссертации и на безусловный профессионализм ее автора.

Автореферат полностью отражает основные положения диссертации, которые прошли достаточную апробацию в виде статей, вышедших в изданиях, рекомендованных ВАК, в многочисленных выступлениях на конференциях разного уровня.

Диссертация Слугиной В.А соответствует требованиям пунктов 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Слугина Виктория Александровна, безусловно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент
профессор кафедры Отечественной истории
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
(634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
тел. 8(3822)56-15-68, E-mail – sherstova58@mail.ru,
Сайт - www.tsu.ru)

доктор исторических наук
профессор

Шерстова Людмила Ивановна

